С гор Уральских смотрю на Восток, Сквозь ветра, сквозь снега, сквозь песок. Я согнут, как гребец на галере. Каждый год всходит в небе звезда, Вифлеем выбирает она. Путь звезды и волхвов соизмерен.

Нынче праздник, а Ирод потом Крысоловом войдет в каждый дом, Заберет у рожениц младенцев... Но покуда очаг златоткан, А вертеп превращается в храм. И волхвы, и дары уже в сенцах.

Что страшиться? Ведь с нами Господь! Он с Христом, как с зарей небосвод — Расступаются земли и воды Перед чистым сияньем небес. И Урал, как большой волнорез, Рассекает стада и народы.

николаю клюеву

Сын великих озер и лесов, Града Китежа огненный ус, Задыхаясь от варварских слов, Окликал уходящую Русь.

Да не слушали люди тебя, Непомерный тянули свой воз, И стонала родная земля, Как на дыбе, на скрипах колес. И пошел ты к ним ради Христа, С переметною нищей сумой, И оставил родные места, Путь закончил Нарымом-тюрьмой.

Пролетарские дети скорбят, Прозевавши апостольский стих. Но и нынче с креста ты не снят, Неизвестен, непонят и тих.

Знай, что Русь не умолкла навек, Видишь, дым с олонецких полей... Просыпается человек — Утро вечера мудреней!

* * *

Даль обозначат ниткой длинной До горизонта журавли. Словно связисты связь с чужбиной По лику неба провели.

А волки, как гонцы Батыя В тени летящих птиц бегут. Леса, словно глаза — пустые. Над Русью веки не взметнут.

Копытом холод в лоб ударит. Метель взорвется над рекой... Поэт гостит у музы Дарьи, Пьет зелье, топает ногой.

Он, как медведь, впадает в спячку, Когда навалится зима, Скрыв под подушкой, как заначку, Стихов весенние тома.

* * *

Я помню слезы, сани, сани, Метель сквозная до небес. И в окнах русские герани. И лай собак наперерез...

Февраль мою хоронит маму. Начальной школы первый класс Глядит сквозь окна через Каму На вмерзший в камский лед баркас.

И мимо этого баркаса Увозим маму на погост. И небо серого окраса Встает пред нами в полный рост.

Торопится в свои владенья Земную гостью привести... И звезды, как тропа оленья, Уже не смогут сбить с пути.

Вез к месту гроб мохнатый мерин, Дыханьем облака клубя... А я? Я никому не верил, Что мамы нету у меня.

КОФЕ В СТАКАНЕ

Кофе кипячу в стакане — Он души поэта мерка. Стража спит во вражьем стане Крепко, словно пионерка!

Русскому зачем кофейник Из богатого сервиза? Он поэт — не коробейник, Чуди друг и черемиса.

А у них откуда деньги На богатую посуду... Луговые деревеньки Не дают на это ссуду.

Вьется аромат безумный, Пышет в бревна избяные! А стакан граненый умный, Хоть глаза его хмельные.

Мы с тобой сидим у печки, Хлещем кофе из стакана. Сладко ухают сердечки Над стихами хулигана.

* * *

Многокилометровая страна, Набитая алмазом и ураном! Нефтянка сверлит Родину до дна И участь у нефтяников туманна.

Остался за кормой — Советский строй. Осталась за бортом — Царей Россия. Той и другой: — Не уходи! Постой! Шептали вслед, погибшие во Имя...

Я с верхней полки на страну гляжу. Стучат внизу железные колеса. Есть воля, а вот сил не нахожу — Хоть в жилах кровь течет великоросса!

Европа в спину усмехнется зло — Бесплодная, коварная старуха. Не победить ей РУССКОЕ ЧИСЛО — Отпа и Сына и Святого Луха!

РУССКАЯ ТРОЙКА

Тройке русской всюду узко! Ветер прячется в ноздрю. У Европы сжалась гузка. Знаю, что я говорю.

Три блондинки, три отваги. Скорость гривы шевелит. Им зима рисует знаки Вихрями из-под копыт.

Пастью пала в снег собака, Что отстала вдалеке. Сполз тулуп, за ним фуфайка. Мчит возница налегке.

Что кричит? Уже не слышно. И не важно, что кричит. Небо вспарывает дышло, Но уже не тормозит.

Может все, даже поэта Петь заставить и плясать! Потому что воля это! Тройки бешеная страсть.

* * *

Огонь дарует нам свободу. Он обрывает хруст листа. Он даже поджигает воду, И крест, и Снятого с Креста.

Он плавит и свинец, и злато, Речную гальку и алмаз. Горит и там, где место свято, Пугая адской вспышкой нас.

Поэзия — души стихия! Сестра высокого огня! По грудь в огне стоит Россия, Но просит у небес огня.